

Imagery of the Danube in the Poetry of Taras Shevchenko

Vladyslav Kulchak¹

Abstract: The article deals with the research of imagery of Danube River in the poems of Taras Shevchenko. The connection between Ukrainian folklore and the poet's work is investigated as well.

Keywords: Shevchenko; Danube; river; poetry; folklore

Фольклор является одним из ключевых источников вдохновения для художников любой страны мира. Можно выделить два основных фактора интереса творческой интеллигенции к народной песне: во-первых, это жажда познания ее многовекового наследия, а во-вторых, желание сблизиться с народом на морально-этическом уровне. Украинское искусство не стало исключением: фольклор нашел свое отражение в произведениях многих отечественных поэтов, среди которых особое место занимает фигура Тараса Григорьевича Шевченко.

Шевченко удивительным образом вобрал в себя оба вышеуказанных фактора: его творчество является результатом не только взаимодействия с культурной средой, но и результатом особой близости с народом и верности национальной традиции.

Особенно это заметно в раннем творчестве Шевченко, к которому относятся такие произведения, как “Тече вода в синє море”, “Вітре буйний, вітре буйний”, балада “Причинна” и др. В них мы можем наблюдать попытки автора приблизиться к народному духу Украины с помощью типичных фольклорных образов.

¹ Postgraduate Student, Izmail State University of Humanities, Ukraine, Address: 12 Repina, Izmail, Ukraine, Corresponding author: vlad18021994@gmail.com.

Дунай является одним из самых популярных образов украинской народной песни. Он упоминается сразу в нескольких произведениях Тараса Шевченко, среди которых баллада “Причинна” (1837), стихотворение “Вітер з гаєм розмовляє” и другие. Этот образ отсылает читателя не только к конкретному географическому названию, но и к метафоре, которая символизирует воду целом.

Данный вывод имеет под собой лингвистическую основу. Если обратиться к “Этимологическому словарю украинского языка”, цепочка определенных языковых преобразований приведет нас к древнеиндийскому слову “danu”, которое означает “текущая жидкость” (Etymological dictionary of the Ukrainian language, p. 145).

В названиях славянских рек существует определенная родственность (Дунай, Днепр, Двина, Дон). Это заметил М. Костомаров, в работе “Слов’янська міфологія” отмечал, что “Дана”, важнейшая славянская номинация, имеет кельтские корни. В кельтских языках понятие “вода” и “река” связаны со словом “Дивона”, которое родственно с названиями славянских рек.

Привязанность к архетипам и традициям как определяющий фактор народного мышления является главной причиной становления образа Дуная как символической реки песенной поэзии. Диапазон его поэтической символики и мифологических наслоений чрезвычайно широк, особенно в украинских народных песнях, где Дунай упоминается на порядок чаще, чем Днепр, Днестр, Десна и другие украинские реки. Рассмотрев под издание Михаила Максимовича “Малороссийские песни” (1827), Я. Дзира заметил, что в нем слово “Дунай” упоминается девять раз, в то время как “Днепр” — только три. Днестр и Десна упомянуты всего по одному разу (Dzyga, 1989, p. 347).

В творчестве Шевченко столь ярко выраженного доминирования образа Дуная мы не наблюдаем, однако в целом ряде его произведений, как и в народных песнях, данный образ выполняет важную эстетическую функцию. Наиболее яркое проявление этого образа можно увидеть в раннем творчестве Шевченко – балладе “Причинна” (1837) и думе “Вітер з гаєм розмовляє” (1841). Баллада моделирует типичную ситуацию трагической любви казака и девушки, разведенных судьбой. Течение мыслей своей героини поэт подает как экзистенциальное переживание неизвестности: “Кого ж сиротина, кого запитає, // Де милий ноче: чи в темному гаю // Чи в бистрім Дунаю коня напова // Чи може з другою, другу кохає...” (Shevchenko, 2001, p. 74). В

данном случае образ Дуная здесь имеет определенный мистический подтекст и усиливает переживания неизвестности, мотив неведомого мира. Ощущение далёкости достигается за счет характерной модели: казак - лошадь - Дунай. Казак поит коня в Дунае, находясь в дороге.

Подобная сюжетная ситуация повторяется во многих народных песнях. Ф. Колесса в работе “Студії над поетичною творчістю Т. Шевченка” подает для сравнения народную песню “Веду коня до Дунаю, кінь не хоче пити” (Chubynsky, p. 923) и подобный оборот в галицкой песни “Пою коня при Дунаю” (Kolessa, 1970, p. 214). Частота использования в фольклоре этого мотива обусловлена историческим способом существования украинского казака, который должен быть неразлучным со своим верным товарищем конём (Yaguch, 1877, p. 21). Здесь изображена стереотипная ситуация, однако она имеет соответствующую историческую основу и отражает характерные для народа явления.

В контексте народной песни Дунай чаще всего упоминается вместе с эпитетом “тихий”, однако в балладе “Причинна” Шевченко нарушает эту традицию и обращается к антонимическому по значению прилагательному “быстрый”. Вероятно, данный выбор был продиктован стремительным ритмом произведения.

В отдельных случаях Дунай выполняет функцию стилистического элемента. Такие произведения, как “Служанка”, “Сотник”, “Відьма” написаны как народные песни, исполненные его женскими персонажами. Поскольку образ Дуная является характерным элементом реальных народных песен, Шевченко решил использовать его для создания необходимого художественного эффекта.

В русскоязычной поэме “Слепая” Дунай выступает в качестве воображаемой границы, за которой сокрыты неизвестные земли. В контексте поэмы река превращается в аналог древнегреческого Стикса, который отделяет живых людей от царства мертвых.

Особую сложность образ Дуная приобретает в стихотворении “Вітер з гаєм розмовляє”: здесь река не только выполняет функцию пейзажного элемента, но и служит символом, который повышает психологизм произведения. Иными словами, Дунай символизирует движение человеческой жизни и времени в целом, вечность.

Данные произведения написаны с учетом существовавших в то время фольклорных условностей. Однако, несмотря на существенное влияние народной песни на раннее творчество Шевченко, мы наблюдаем не попытку подражания, а творческое переосмысление и использование традиционной символики с целью передать сущность украинского народа.

Подобно образу из народных песен, Дунай Шевченко напоминает живое существо, которое имеет определенную связь с человеком, понимает ее и сочувствует.

В фольклорной традиции Дунай принято считать рекой скорби, однако даже в творчестве Шевченко символизм Дуная отличается разнообразием. Например, в поэме “Катерина” мы можем найти следующие строки:

Може, вбитий чорнобривий,

За тихим Дунаєм;

А може, в Московщині

Другую кохає!

Ні, чорнявий не убитий,

Він живий, здоровий...(Shevchenko, 2001, p. 74).

Как мы видим, вера в лучшее побеждает сомнения и тревогу лирической героини.

Дмитрий Павлычко считает, что Шевченко сравнивал Дунай с самим собой. Он писал: “Тарас Шевченко уже сформирован не только как основоположник украинской литературы, но и как создатель порабощенной, но духовно уже существующей нашей государственности. И вместе с тем, он изображает себя как Дунай, охваченный бурными “холодными волнами” и вспоминает “добрых людей”. А те люди, которые поиграют ним, это не чужие, а свои, украинские пань на службе у Москвы”.

Данный анализ показывает, что Шевченко имел особый, творческий подход к использованию фольклора в своей поэзии. Он не просто заимствовал определенные стилистические приемы, но и в полной мере использовал возможности фольклорной символики для создания своего уникального поэтического мира.

References

****Etymological dictionary of the Ukrainian language*. Kiev, p. 145.

Chubynsky, P. *Proceedings of the ethnographic and statistical expedition*, p. 923.

Dzyra, Y. (1989). *The wide Dnipro roars and moans*. In a free, new family. Kiev, p. 347.

Kolessa F. (1970). *Folklore works*. Kiev, p. 214.

Shevchenko, T. (2001). *The complete works in 12 volumes*. The Scientific Thought. Kiev, p. 533.

Yagych, V. (1877). *Danube in Slavic folk poetry // The Truthp*, p. 16.